

СВЕТ

Газета православного Прихода храма
святого великомученика и целителя Пантелеимона поселка КУЗЕДЕЕВО
Издаётся по благословию Высокопреосвященнейшего Аристарха,
митрополита Кемеровского и Прокопьевского

№ 57 МАРТ 2014 Г.

ПРАВОСЛАВИЯ

Кресту Твоему поклоняемся,

Владыко...

В номере:

- ◆ Крестопоклонная
неделя с.2

- ◆ 40 мучеников
Севастийских с.2

- ◆ Обращение
Патриарха с.3

- ◆ Некомсомольские
пряники с.3

- ◆ Святитель Григорий
с.4

- ◆ Преподобный Иоанн
Лествичник с.5

- ◆ О неделях Великого
поста с.5

- ◆ Святая грешница с.6

- ◆ Притчи с.6

- ◆ История Православ-
ной Церкви с.7-8

Крестопоклонная НЕДЕЛЯ

Посредине Великого поста, в конце третьей его недели, выносятся во всех церквях на середину храма крест. И совершают верующие поклонение ему. И таким образом начинается наше приближение к самой главной, к самой таинственной из всех тем нашей веры — теме распятия, страдания и смерти.

Почему таинственной? Разве страдание не стоит в центре жизни? Разве каждый из нас не познал и не познает его, увы, слишком часто? Да, конечно, это так. Но ведь здесь речь идет не о нас, а о Христе. А про Христа мы говорим, что Он Бог. А от Бога, от веры разве мы не хотим облегчения (если уж не полного исчезновения наших страданий)? Разве не только друзья, но и враги веры, ее обличители не утверждают в странном согласии, что религия — это прежде всего помощь, утешение, некий, как говорят, бальзам на душу?

Но вот крест, но вот снова Великая пятница, и снова эти же слова: «Начал скорбеть и тосковать» (Мф. 26:37). И сказал: «Душа Моя скорбит смертельно» (Мф. 26:38). Не Он помогает апостолам, застывшим от горя и тоски, Он у них просит помощи: «Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною» (Мф. 26:38). А потом это одинокое мучение: сначала побои, насмешки, удары по лицу, плевки, потом гвозди в руках и ногах. И самое страшное — одиночество. Когда все, оставив Его, бежали. И как будто сокрылось само небо, ибо «около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46).

Нет, если только снова по-настоящему взглянуть в это, вслушаться, что-то странное тут происходит даже с самой религией. Как будто ничего не остается от самого ясного, привычного в ней — помощи, поддержки, гарантии. Поставил свечку, отслужил молебен или панихиду — и все будет хорошо, и в жизни Бог поможет, да и там тоже, после страшной и таинственной смерти. Ведь разве не с

таким упрощенным пониманием веры живет большинство самих верующих? Разве уже тогда, при Иисусе Христе, не ходили они толпами за Ним, ожидая от Него кто исцеления, кто помощи, кто поучения? Но посмотрите, как в рассказе Евангелия постепенно тает эта толпа. Вот бросает Его богатый юноша, думавший, что он соблюдал все законы религии, но не смогший

принять слов Христа: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Вот, за торжественной трапезой любви, уходит от Него в ночь на предательство Его ученик. И, наконец, последнее, когда все, бросив Его, бежали...

В нашей жизни бывает как раз наоборот: сначала одиночество, непризнанность, потом признание и рост славы, толпа последователей. В Евангелии же, когда дело доходит до креста, Христос остается Один. Более того, и про будущее Он говорит: «Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15:20); «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33). И к нам обращает, в сущности, только один призыв, одно предложение —

взять наш крест и нести его, и мы знаем уже, что такое этот крест.

жестковать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли — неважно, для важного или незначительного, — ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1

Да, странное что-то происходит здесь

с религией: вместо помощи — крест, вместо обещаний утешения, благополучия, уверенности: «Меня гнали, будут гнать и вас». И когда мы читаем в Евангелии о фарисеях, издевавшихся над распятым Христом: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти! Если Он Царь Израилев, пусть теперь

Протопресвитер Александр Шмеман

сойдет с креста, и уверуем в Него» (Мф. 27:42), — разве мы не вспоминаем, разве нам не приходят в голову теперешние насмешки и теперешние издевательства: «Ну, что, разве помог вам ваш Бог?» И действительно, пока ждем мы от Бога вот только этой помощи, только чуда, которое убрало бы страдание из нашей жизни, — насмешки торжествуют. И будут торжествовать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли — неважно, для важного или незначительного, — ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1

Кор. 1:23); в данном случае иудеи — это те, кто ждут от религии только помощи, а эллины — те, кто хотят от нее только разумного и гладкого объяснения всего. И в этом случае крест действительно — соблазн и безумие.

Но вот опять выносятся крест, и вот опять приближается та единственная из всех недель, когда приглашает нас Церковь не столько размышлять и обсуждать, а молча и сосредоточенно следовать за каждым шагом Христа, за его медленным, необратимым приближением к страданию, к распятию и к смерти. Приглашает как бы принять этот крест. И вот что-то странное происходит с нами. С себя, со своих проголову теперешние насмешки и теперешние издевательства: «Ну, что, разве помог вам ваш Бог?» И действительно, пока ждем мы от Бога вот только этой помощи, только чуда, которое убрало бы страдание из нашей жизни, — насмешки торжествуют. И будут торжествовать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли — неважно, для важного или незначительного, — ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1

Кор. 1:23); в данном случае иудеи — это те, кто ждут от религии только помощи, а эллины — те, кто хотят от нее только разумного и гладкого объяснения всего. И в этом случае крест действительно — соблазн и безумие. Но вот опять приближается та единственная из всех недель, когда приглашает нас Церковь не столько размышлять и обсуждать, а молча и сосредоточенно следовать за каждым шагом Христа, за его медленным, необратимым приближением к страданию, к распятию и к смерти. Приглашает как бы принять этот крест. И вот что-то странное происходит с нами. С себя, со своих проголову теперешние насмешки и теперешние издевательства: «Ну, что, разве помог вам ваш Бог?» И действительно, пока ждем мы от Бога вот только этой помощи, только чуда, которое убрало бы страдание из нашей жизни, — насмешки торжествуют. И будут торжествовать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли — неважно, для важного или незначительного, — ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1

Кор. 1:23); в данном случае иудеи — это те, кто ждут от религии только помощи, а эллины — те, кто хотят от нее только разумного и гладкого объяснения всего. И в этом случае крест действительно — соблазн и безумие. Но вот опять приближается та единственная из всех недель, когда приглашает нас Церковь не столько размышлять и обсуждать, а молча и сосредоточенно следовать за каждым шагом Христа, за его медленным, необратимым приближением к страданию, к распятию и к смерти. Приглашает как бы принять этот крест. И вот что-то странное происходит с нами. С себя, со своих проголову теперешние насмешки и теперешние издевательства: «Ну, что, разве помог вам ваш Бог?» И действительно, пока ждем мы от Бога вот только этой помощи, только чуда, которое убрало бы страдание из нашей жизни, — насмешки торжествуют. И будут торжествовать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли — неважно, для важного или незначительного, — ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1

Кор. 1:23); в данном случае иудеи — это те, кто ждут от религии только помощи, а эллины — те, кто хотят от нее только разумного и гладкого объяснения всего. И в этом случае крест действительно — соблазн и безумие. Но вот опять приближается та единственная из всех недель, когда приглашает нас Церковь не столько размышлять и обсуждать, а молча и сосредоточенно следовать за каждым шагом Христа, за его медленным, необратимым приближением к страданию, к распятию и к смерти. Приглашает как бы принять этот крест. И вот что-то странное происходит с нами. С себя, со своих проголову теперешние насмешки и теперешние издевательства: «Ну, что, разве помог вам ваш Бог?» И действительно, пока ждем мы от Бога вот только этой помощи, только чуда, которое убрало бы страдание из нашей жизни, — насмешки торжествуют. И будут торжествовать, ибо любая дешевая пилюля действительно лучше и скорей помогает от головной боли, чем молитва и религия. И не понять нам тайны креста, пока такой вот пилюли — неважно, для важного или незначительного, — ждем мы от религии. Пока это так, крест, несмотря на все золото, на все серебро, покрывшее его, остается тем, что еще на заре христианства сказал про него апостол Павел: «Для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1

СОРОК МУЧЕНИКОВ СЕВАСТИЙСКИХ

В 313 году император Константин Великий подписал закон о свободе исповедания веры. Его соправитель император Ликиний тоже подписал этот закон, но в подвластных ему областях гонения на христиан продолжались. Около 320 года в городе Севастии, в Армении, стояло римское войско. В войске находилось 40 воинов-христиан родом из Каппадокии (ныне на территории Турции). Военачальник Агрикола принуждал их принести жертву идолам, но воины отказались.

Тогда воинов арестовали и связанными повели к озеру близ города Севастии. Стояла зима, вечерело. Воинов раздетыми поставили в покрытое льдом озеро. Страшная стужа сковала члены святых мучеников, и они начали замерзать. Мучение это было для них особенно тяжелым, потому что на берегу озера для соблазна была поставлена теплая баня. Кто хотел спасти свою

жизнь, должен был заявить тюремному сторожу, что он отрекся от Христа, и тогда он мог войти в теплую баню и отогреться. Всю ночь воины мужественно переносили лютый мороз, ободряя друг друга и поя священные гимны Богу.

Ранним утром один из воинов не выдержал страданий. Он вы-

шел из озера и поспешил к бане. Но как только теплый воздух коснулся его тела, он упал мертвым. Вскоре после этого тюремный сторож Аглай увидел, как над мучениками, оставшимися в озере, заблестел неземной свет. Аглай был так потрясен этим чудом, что, об-

явив себя христианином, сбросил с себя одежду и присоединился к 39 мученикам. Мучители, пришедшие немного спустя, увидели, что воины-христиане не только не замерзли, но, по-видимому, даже отогрелись. Тогда мучители молотами перебили им голени и побросали в огонь, а потом обугленные кости мучеников сбросили в реку.

Через три дня мученики явились епископу Севастийскому Петру и рассказали о своем подвиге. Еп. Петр собрал их кости и с честью похоронил. Имена мучеников сохранились: Кирион, Кандид, Домн, Исихий, Иракий, Смарагд, Евноик, Валент, Вивриан, Клавдий, Приск, Феодул, Евтихий, Иоанн, Ксанфий, Илиан, Сисиний, Аггей, Аетий, Флавий, Акакий, Екдекий, Лисимах, Александр, Илий, Горгоний, Феофил, Домитиан, Гаий, Леонтий, Афанасий, Кирилл, Сакердон, Николай, Валерий, Филиктимон, Севериан, Худион, Мелитон и Аглай. Память 40 мучеников относится к кругу наиболее чтимых праздников. В день их памяти, 9 марта, облегчается строгость Великого Поста и совершается литургия Преждеосвященных даров.

<http://days.pravoslavie.ru/Life/life6852.htm>

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ КИРИЛЛ: ЦЕРКОВЬ ВСЕГДА БЫЛА ЗАЛОГОМ МИРА И ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ И УКРАИНЫ

14 марта 2014 года, в пятницу второй седмицы Великого поста, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Литургию Преждеосвященных Даров в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве. По окончании богослужения,

обращаясь к верующим с Первосвященительским словом, Предстоятель Русской Православной Церкви особо остановился на ситуации, сложившейся в результате политического кризиса на Украине:

«Сегодня все мои мысли там, на Украине, среди нашего верующего народа, который проходит через тяжелейшие испытания. По крайней мере 400 с лишним лет предпринимались попытки расколоть и разделить Русский мир. Когда мы говорим "Русский", то не следует трактовать это так, как это делают наши недоброжелатели, говоря о Российской империи и о Советском Союзе. Речь идет о Русском мире, речь идет о великой русской цивилизации, вышедшей из Киевской купели Крещения и распространившейся на огромные просторы Евразии. Вот эта самобытная цивилизация, в основе которой — Православие и нравственные ценности Православия, — более 400 лет не дает покоя тем, кто в этой мирной цивилизации видит некий вызов своим собственным идейным установкам. И мы знаем, что всякий раз, когда на Отечество наше нападали враги, то главное, что они хо-

тели сделать, — это разделить наш народ, и особенно оторвать южные и западные русские земли от единого мира.

Сегодня на пространствах этого мира существуют независимые государства, и мы с уважением относимся к их суверенитету, к их готовности и желанию самостоятельно строить свою национальную жизнь. Но это не означает, что стремление к законному суверенитету, к реализации этого суверенитета должно сопровождаться разрушением общего, единого духовного пространства. И сегодня мы молимся о том, чтобы никогда не произошло военных столкновений между братьями, чтобы никогда единовременные, единокровные братья не принесли смерть и разрушения друг другу.

Поэтому главная молитва, которую я сегодня совершаю, — это молитва о мире на Украине, о мире в отношениях между братьями, живущими сегодня как в Украине, так и в Российской Федерации. Всегда залогом этого мира и единства была наша единая Церковь, и дай Бог, чтобы она не была разрушена внешними политическими силами.

Я хотел бы с особой радостью ска-

зать, что все православные Патриархи, все предстоятели Православных Церквей единодушно заявили о том, что не может быть иного решения украинской проблемы, как только мирное решение. Не должно быть никаких попыток силой, будь то сила политическая или физическая, захватывать храмы и монастыри. И нет никакого другого пути преодолеть раскол, кроме возвращения раскольников в лоно единой Святой Соборной Апостольской Церкви. Под этим подписались все главы Церквей — никто не оспаривал, никто не выступал с какими-то другими предложениями, и этот сигнал должен быть сегодня услышан везде — и в России, и на Украине, и по всему миру.

Мы приветствуем готовность нашей Церкви вступить в переговоры с теми, кто был в разделении, на основе тех принципов, которые сформулированы Синаксом — собранием, собором глав автокефальных Православных Церквей. И я очень надеюсь, что это общеправославная позиция будет уважаться и никто не воспротивится голосу вселенского Православия».

<http://www.pravoslavie.ru/news/69203.htm>

НЕКОМСОМОЛЬСКИЕ ПРЯНИКИ

Олеся Николаева

А тут приехал к нам из Тулы дорогой гость — Митрофан Дмитриевич, бывший полковник, фронтовик, раб Божий, которого очень любил отец Серафим (Тяпочкин) за чистоту сердца. Ну, из Тулы понятно что везут, да еще Великим постом: конечно, знаменитые тульские пряники — круглые, в глазури, да еще и в праздничной коробке. Вот Митрофан Дмитриевич и привез нам сразу три таких.

Только он появился — звонит мне мой друг Андрюша — одноклассник и крестник — и говорит:

— Я тут неподалеку от твоего дома. Можно к тебе зайти?

Купил в булочной у метро гостинец, чтобы появиться не с пустыми руками, позвонил в дверь и протянул мне с порога нарядную коробку с тульским пряником. В глазури. В праздничной коробке.

Муж мой, по дороге с работы, узнав, что у нас гости, в ту же булочную у метро завернул и с таким же печатным пряником с надписью «Тульский» прямо к чаепитию пожаловал. И так сидим мы, обложенные со всех сторон этими пятами уже пряниками, и пьем себе чай, постимся постом приятным, ведем разговоры на духовные темы. Еще бы — Митрофан Дмитриевич был когда-то келейником самого старца Серафима, множеством знает чудесных историй, а Андрюша — неофит, слушает его затаив дыхание, открыв рот...

И тут звонит монах Леонид:

— Я только что изучил таблицу, в которой дается состав пряников. Оказывается, все они — скромные. Да! В них яичный порошок добавляются. Только один вид постных и существует: так называемые комсомольские. Комсомольские пряники. Темненькие такие. Вот их можно спокойно есть в пост.

Сообщил и трубку положил. А мы уже этих — сомнительных, тульских

— изрядно поглотили. Другого-то ничего и нет! Ну, не стала я гостей огорчать.

Встретила я храме знакомого священника:

— Ты чего такая грустная? Никак, унываешь?

— Да ну! Постилась я постилась, а тут оскоромилась! Пост нарушила, — сокрушенно произнесла я.

Он решил меня подбодрить:

— Так, может быть, ты была в дороге? Или гостила в доме язычника?

— Нет, — твердо ответила я, — я была у себя.

— Но, может быть, ты болела?

— Нет, не была я больна, — удрученно произнесла я. — Я была вполне здорова.

— А что же тогда? Сырку захотелось? Творожку? Или ... мяса?, — сочувственно спросил он.

— Я ела пряники.

— Пряники? Так они ж постные! — радостно откликнулся священник. — Это можно, это не грех!

— Так то комсомольские. Комсомольские можно, — со знаменитым пояснила я. — А я ела — не комсомольские. Некомсомольские пряники я ела, вот ведь что!

Батюшка посмотрел на меня в изумление:

— Как-как ты сказала? Некомсомольские?

— Ну да, некомсомольские. Скромные. Яичный порошок в них! Я даже почувствовала, как глаза мои в сокрушении увлажнились.

Священник тяжело вздохнул:

— Вот как мы... Яичный порошок, говоришь?

— Яичный порошок, — сдавленным голосом повторила я.

— Ох, лукавый! — воскликнул свя-

щенник. — Как же он крутит людей! Значит, комара отцеживаем? А верблюда? Верблюда фарисейства, выходит, поглощаем! Верблюда унынья так и заглатываем!

Пришла я домой, а тут звонит мне монах Леонид:

— Я только прочитал про зефир и пастилу...

— Отец Леонид, — железным голосом сказала я, — я вынуждена у вас забрать эти учебники с таблицами. Владелец срочно требует их назад.

— А я еще не все изучил... Оказывается, мармелад...

— Он сказал: срочно! Я сейчас к вам приеду и заберу.

Приехала и забрала. А в качестве гостинца привезла ему три оставшиеся у меня коробки с подарочными тульскими пряниками. Я знала, что за все приношения он всегда благодарил, повторяя: «Всяк дар совершен свыше есть».

Вот и на этот раз он склонил набок голову и произнес, принимая у меня коробки: «Спаси тебя Господи!». Впрочем, именно так и должен был поступить смиренный монах.

<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/52178.htm>

Монах Леонид был большой молитвенник и постник.

«Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом», — любил повторять он евангельские слова. И чтобы быть верным не только в малом, но и в малейшем, разжился он не без моей помощи какими-то учебниками с таблицами, по которым учат студентов Пищевого института, и принялся штудировать и выяснять, из чего состоят иные продукты, считавшиеся доселе постными. Изучение этих составов вызвало у него немало сокрушенных вздохов. Ибо выяснилось, что отнюдь не все хлеба, которые мы вкушали постом без толики сомнения, чисты от скоромных примесей. Есть таковые и в иных макаронах и вермишелях, что уж говорить о печенках с вафлями!

Ассортимент подлинно постной пищи катастрофически сужался. Из углеводов оставались разве что пряники да крупы...

Житие во святых отца нашего Григория Двоеслова, папы Римского

Святой Григорий, папа римский, прозванный за свои красноречивые беседы двоесловом или беседником, родился в городе Риме. Отец его, по имени Гордиан, и мать, блаженная Сильвия, — оба были сенаторского, благородного и богатого рода.

Но родство сего святого Григория было благородно не столько по своему сенаторскому происхождению, сколько по тем благочестивым и святым людям, которые находились в родстве с Григорием. Так, блаженный Феликс, папа римский, был дедом Григория Двоеслова; святая Тарсилла, узревшая при кончине своей грядущего к ней Господа Иисуса, и блаженная Емилиана, сподобившаяся вместе с Тарсиллою вечной, небесной жизни, были тетками Григория; также и Сильвия, мать святителя, Римскую церковь причтена к лику святых.

Но сей святой род всего более украсил своею святостью блаженный Григорий, от юности подвизавшийся в добродетели в богоугодной жизни. С детского возраста полюбив чтение книг, он впоследствии стал славным ученым и ритором; он был человек, исполненный ума и добрых намерений, почему в избран был в сан претора. Однако мысли и желания Григория были направлены не столько к мирскому, сколько к духовному: он желал быть иноком. Но при жизни родителей будущий святитель отлагал свое пострижение, до времени более благоприятного, хотя и в мире он жил как бы иноком, проводя жизнь в чистом девстве.

Когда же скончался отец Григория, он начал оставшееся ему большое имение тратить на подаяние милостыни и на созидание святых обителей, больниц и странноприимных домов. Так в Сицилии он создал шесть монастырей, снабдив их всем необходимым, а в Риме основал монастырь в честь святого апостола Андрея; этому монастырю он положил начало в своем собственном доме, находившемся близ церкви святых мучеников Иоанна и Павла, при горе именуемой «Сквара». Постригшись здесь, Григорий снял свои златотканые мирские одежды и облекся во власяные ризы иноческого чина, наставляемый опытными старцами Иларионом и Максимианом; а чрез несколько времени он стал игуменом той обители.

Блаженная же Сильвия, мать святого Григория, жила в то время близ врат апостола Павла; служа Господу, она проводила время в посте и молитвах и день и ночь «приметалась в дому Господнем». Пищею ее была сырая зелень, которую она каждый день посылала и сыну своему блаженному Григорию. К нищим же и убогим она была так милостива, что раздавала им положительно все свое имущество.

Также и сын ее, блаженный Григорий, был так нищелюбив, что и последнего ничего не жалел, но тотчас же раздавал все просящим у него.

Однажды, когда он сидел в келии своей и по обычаю переписывал книги, к нему пришел один нищий (то был в образе нищего Ангел Господень) и сказал ему:

—Пожалей меня, раб Бога вышнего! Будучи корабельщиком, я погубил в море не только, что сам имел, но и чужое.

Нищелюбец и истинный раб Христов, святой Григорий, поболел о нем сердцем, призвал служащего ему брата и повелел дать человеку тому шесть златиц; и нищий, взяв данное, ушел.

В тот же день, чрез несколько часов, к блаженному пришел снова тот же нищий и сказал ему:

—Помилуй меня, раб Божий, я так много потерял, а ты мне так мало дал.

Святой Григорий опять призвал прислуживавшего ему брата и сказал ему

—Брат, поди и отдай нищему другие шесть златиц.

Тот исполнил это, и взял нищий в этот день от святого Григория двенадцать златиц, и ушел от него.

Чрез несколько времени нищий пришел к блаженному Григорию в третий раз и зывал к нему:

—Помилосердствуй обо мне, отче, и подай мне и еще от щедрот твоих, ибо я в море очень много погубил чужого богатства.

Тогда блаженный Григорий снова сказал к служащему ему:

—Иди, брат, и дай просящему еще шесть златиц. На это брат сей ответил:

—Поверь мне, честный отче, что у нас

не осталось ни одной златицы.

Но блаженный Григорий сказал ему:

—Не имеешь ли дать чего-нибудь другого: одежды какой-либо или какого-нибудь сосуда?

—Я имею только один сосуд, — ответил брат, — именно то серебряное блюдо, на котором твоя мать прислала тебе квашеное сочиво.

—Иди, брат, — сказал тогда угодник Божий Григорий, — и отдай нищему и то блюдо, дабы он не ушел от нас, опечаленным, так как он ищет утешения в беде своей.

Бедняк, взяв то серебряное блюдо, радуясь, ушел от святого, и уже явно, как нищий, он более не приходил просить у Григория милостыни, но невидимо он все время пребывал при нем, охраняя его и помогая ему во всем. Ибо Ангел Господень был приставлен к святому с силою чудесной благодати, кою святой Григорий потом и прославился, совершая в обители своей великие чудеса.

После смерти Пелагия, папы римского, все единогласно избрали на престол его святого Григория, игумена Андреевского монастыря; он же, избегая столь великого сана и почести, убежал из города и скрывался по пустынным местам. Ища своего пастыря Григория и не находя его, народ римский предавался великой печали; и все стали усердно молиться к Богу — да явит Он им раба Своего. И вот появился огненный столп, всеми видимый, сходящий на то место, где святой Григорий скрывался, находясь в некоей пустынной горе. Тогда все узнали, что тот небесный столп явился ради святого Григория. Тотчас же все отправились на то место, где и нашлись Григория и с неизреченною радостью увели его, хотя он этого и не желал.

В царствование Маврикия святой Григорий был поставлен папою древнего Рима: Здесь он особенно прославился несказанным милосердием к нищим и убогим, к сиротам и вдовицам. Он строил странноприимные дома и приюты для людей бедных не только в Риме, во и в других городах. В Иерусалим святой Григорий нарочно послал с большим количеством денег авву Прова, чтобы он там устроил странноприимницу. На Синайскую гору он каждый год посылал большую милостыню на пропитание иноков. В Риме же святитель каждый день кормил всех нищих и больных, записанных им по имени в особой книге. Странников и бедных он часто сажал и за своей трапезой, причем всегда служил им сам. Раз он приказал своему сакелларию призвать на свою трапезу двенадцать странников, чтобы с ними вместе пообедать, а когда все сидели за трапезой, святой папа увидел тринадцать сидевших странников. Тогда, призвав сакеллария, он сказал ему так:

—Разве я тебе не двенадцать странников велел призвать? Зачем же ты, ослушавшись меня, призвал тринадцатого!

Испуганный сакелларий сказал ему на это:

—Поверь мне, пречестный Владыка, — тринадцатого здесь нет.

Действительно, ни он, ни кто другой не выдали тринадцатого: его видел один только святой папа. Во время обеда святой Григорий смотрел на этого тринадцатого странника, сидевшего на самом конце стола, и видел, что лицо его часто изменяется: то он казался седым старцем, то — молодым юношей. Когда все встали с трапезы, святой папа Григорий отпустил всех; сего же тринадцатого странника, столь чудного по своему виду, он удержал и, взяв его за руку, ввел его в свою ложницу и там сказал ему:

—Заклинаю тебя великою силою Бога Вседержителя, скажи мне: кто ты и как твое имя! На это чудный странник сказал ему:

—Зачем ты спрашиваешь мое имя? Оно чудно. Вспомни одно, что я — тот самый нищий-кормчий, который некогда, придя к тебе в монастырь святого Андрея, когда ты сидел и писал в келии своей, получил от тебя двенадцать златиц и то серебряное блюдо, которое тебе с сочивом прислала блаженная мать твоя Сильвия. Да будет

тебе известно, что с того самого дня, в который ты с сердечною любовью дал мне его, Господь нарек тебя настоятелем сей святой Церкви, за которую излиял Кровь Свою, и наследником святого верховного Апостола Петра, которому ты подражаешь в своем добродетельном житии.

Блаженный Григорий на это сказал ему:

—Откуда ты знаешь, что Господь еще тогда определил быть мне папою?

—Я Ангел Господа Вседержителя, — ответил он, — посему и знаю; Он еще тогда послал меня узнать, действительно ли ты ради человеколюбия, а не ради тщеславия творишь милостыню. Услышав это, блаженный

Григорий впал в веший ужас: до того времени он никогда не видал явно Ангела Божия, а сейчас беседовал с ним как с простым человеком. Тогда явившийся Ангел сказал святому:

—Не бойся, ибо меня послал Господь, дабы пребывать с тобою всю жизнь и приносить твои молитвы к Богу; итак все, чего ты будешь просить у Него с надеждою, получишь.

Тогда святой папа, упав лицом на землю, поклонился Господу и сказал:

—Если ради столь малой милостыни Господь воздал мне столько благ, что сделал меня и папою Своей святой Церкви и приставил ко мне Своего святого Ангела, дабы охранять меня, то что же Он воздаст пребывающим в законе Его и творящим правду?

После этого Ангел стал невидим, а святой, воздавая Господу свое великое благодарение, стал еще более усерден в благодеяниях людям и в благоугождении Богу.

В другой раз, угощая однажды обедом странников, святой Григорий, по смирению своему, хотел одному из них подать на руки воду, но когда обернулся, чтобы взять сосуд, то увидал, что человека того уже нет; поискав его и нигде не найдя, Григорий весьма удивился. В следующую же ночь, когда святой папа спал, явился ему Господь и сказал:

—В те дни ты угощал членов моих, т. е. — нищих, вчера принял Меня Самого.

О великом смирении святого Григория говорится и в Лимонаре святейшего Софрония, патриарха Иерусалимского. Вот что там пишется о нем.

—Однажды мы были у аввы Иоанна Персянина; он нам и рассказал о великом и блаженном Григории, папе римском. Захотел я однажды, — говорил он, — поклониться мощам святых верховных Апостолов Петра и Павла, и для сего отправился в Рим. Когда я однажды стоял среди города, то услышал в народе, что мимо должен пройти папа; тогда я стал ждать, чтобы видеть его. Когда он шел мимо меня, я решил поклониться ему; но говорю вам, братья, — вот Бог свидетель, — что он, предупредив меня, пал на землю, поклонился мне и до тех пор не встал с земли, пока не увидел, что я прежде него встал; поцеловав затем меня с великою любовью, он дал мне свою руку три златицы и повелел выдать мне все необходимое для пропитания; я же прославил Бога, давшего святому Григорию столь великое смирение, любовь ко всем и милость.

Нельзя умолчать и о страшном чуде, сотворенном молитвами сего великого архиерея Божия над Пречистыми Христовыми Тайнами. Некая женщина, очень известная в Риме, принесла просфоры к Божественному алтарю; в это время Божественную литургию совершал сам святейший папа Григорий. И вот, когда он преподавал людям Божественное причастие, приступила и женщина та причаститься Святых Тайн. Но когда она услышала слова Григория: «преподается животворящее тело Господа нашего Иисуса Христа», то засмеялась. Тогда папа Григорий, задержав свою руку, спросил ее:

—Чему же ты смеешься?

—Мне странно, владыка, — ответила она на это, — что хлеб, который я испекла из муки своими руками, ты называешь Телом Христовым.

Святой, видя ее неверие, помолвился Богу, и тотчас же хлеб, по виду своему, преложились в действительное человеческое тело. И это окровавленное человеческое мясо видели не только женщина та, но и присутствовавшие в церкви люди; все, видевшие это чудо, прославляли Христа Бога и еще более утвердились в вере, нисколько не сомневаясь, что в Пречистых Тайнах под видом хлеба преподается истинное тело Христа, а под видом вина — истинная кровь Его. После того святой папа снова помолвился, и вид тела человеческого претворился опять в хлеб. Тогда женщина та причастилась с великим страхом и твердою верою, приняв хлеб, как тело Христова, а вино — как кровь Христову.

Сей великий светильник миру, святейший папа Григорий, украсил Церковь Христову не только своим равноангельным житием и дивными чудесами, но и своими многочисленными творениями, которые принесли веру православной великую услугу. А когда он писал их, то Дух Святой, в виде голубя, парил над ним; это часто сподоблялся видеть и архидиакон Григория Петр — муж весьма добродетельный. Беседы святого Григория с сим архидиаконом помещены в особых четырех книгах, преисполненных великой духовной пользы; они содержат в себе краткие сказания житий святых, богоугодно поживших в Итальянской земле, и душевспасительные поучения. Святой Григорий пас Церковь Христову тринадцать лет, шесть месяцев и десять дней и преставился ко Господу в царствование греческого императора Фоки.

Что касается литургии «Преждеосвященных Даров», которая надписывается именем святого Григория Двоеслова, то нужно иметь в виду, что он, если и излагал чин этой литургии, то исключительно для западной церкви (как и вообще он заботился об устройении Богослужения собственно этой церкви), а не для Восточной церкви, у которой этот чин имелся в практике с глубокой древности и от которой его позаимствовал святой Григорий в своей «Сакраментарии» для Западной церкви. Предание же, приписывающее составление чина преждеосвященной литургии святому Григорию, главным образом возникло на почве глубокого почитания, с которым Православный Восток относился к имени этого святого мужа. Несомненно известие, что, возвратившись с Востока и сделавшись Римским епископом, святой Григорий Двоеслов начал восстанавливать в Римской церкви некоторые из древних обрядов, забытые там и сохранившиеся во всей первобытной чистоте своей на Востоке. При этом он явился читателем апостольской литургии Преждеосвященных Даров, употреблявшейся на Востоке, и ревнителем прочного водворения и распространения ее на Западе. Он издал эту литургию на латинском языке и ввел ее в употребление в западных церквях, чем как бы заслужил себе предпочтительное пред прочими отцами Вселенской церкви право на всегдашнее сочетание его имени с этою литургией. Восточная церковь не забыла пощечин святого Григория, относящихся до литургии Преждеосвященных Даров. В греческих синаксах, со времени XI века, помещаются известия о том, что святой Григорий устроил у римлян совершение полной литургии во дни поста, а позднее это известие стало изъясняться и переводиться так, что он устроил у христиан Римской империи (а такую считалось Греко-Византийская империя) совершение преждеосвященной литургии. В Западной церкви эта литургия совершается ныне однажды в год, именно — в Великий пяток Страстной седмицы.

О всех прочих деяниях, чудесах и церковном управлении сего великого Григория, папы римского, равно как и о его дивном и святом житии написал четыре книги Иоанн, диакон великой церкви Римской; в этих книгах находится около двухсот шестидесяти глав; взяв из этих книг самое малое, на пользу же душам верных совершенно довольное сказание, мы славим прославляющего Своих угодников Христа Бога нашего, который вместе с Отцом и Святым Духом прославляется во все веки. Аминь.

http://azbyka.ru/otechnik/?Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh=234

СВЯТАЯ ГРЕШНИЦА

Наступило пятое, предпоследнее, воскресенье Великого поста (до Пасхи осталось две недели). Сегодня Церковь предлагает нам в качестве примера обратиться к жизни одной красивой женщины из Александрии Египетской. В молодости она была всем известной в этом портовом городе блудницей, или говоря литературным языком, куртизанкой. На первый взгляд это может показаться странным. Неужели в сокровищнице христианской святости мало других примеров для подражания – таких непорочных дев как Варвара, Екатерина (само имя которой переводится как «всегда чистая») и иных, с детства хранивших верность своему Небесному Жениху? Тем более, что «на панель» ее толкнула не нужда, как, например, Соню Мармеладову! Она сама признавалась, что, уйдя от родителей в двенадцатилетнем возрасте и потеряв чистоту, «неудержимо и жадно влеклась к мужчинам». «Я торговала собой не ради корысти. ...Поступала я так, чтобы привлечь к себе большее число желающих. Это была моя жизнь: я почитала жизнью постоянное поругание своего тела». Тем более важно понять, почему же бывшая блудница вошла в триаду святых (вместе со св. Григорием Паламой и преподобным Иоанном Лествичником), ставших символами великопостного «училища благочестия»!

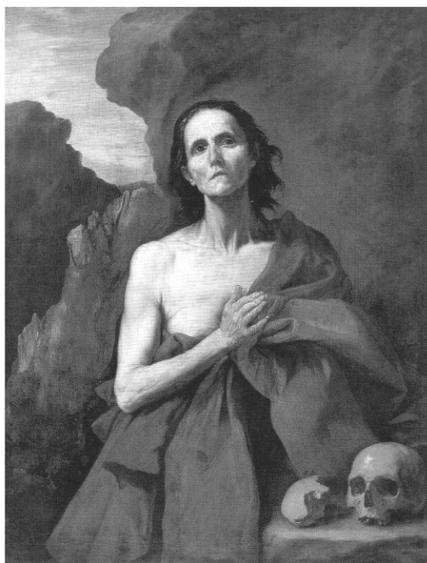
Разгульная жизнь падшей девушки продолжалась 17 лет. Однажды, шутки ради, Мария примкнула к паломникам, направлявшимся в Иерусалим, оплатив дорогу корабельщикам своим телом. Разгуливая по Святому городу и «охотясь за душами юношей», – как гласит житие, – Мария увидела людей, шедших в храм Воскресения Христова. Здесь хранилась величайшая христианская святыня – Голгофский Крест.

Вместе с толпой молящихся Мария вошла в притвор, но ее попытки проникнуть внутрь храма были тщетны. Какая-то невидимая сила отбрасывала ее с

порога обратно. Наконец, она сдалась и отступила в угол притвора. «И тогда, – рассказывала она впоследствии, – мне открылась причина, по которой не дано мне было узреть животворящее древо Креста, ибо духовные очи мои озарило слово спасения, указывая, что мерзость дел моих закрывала мне доступ в храм. Я начала плакать и скорбеть, ударяя себя в грудь и из глубины души испуская стоны, и тут увидела над собой икону Пресвятой Богородицы». Обратившись к ней с молитвой, грешница смогла беспрепятственно войти в храм, а затем, вернувшись к иконе, получила откровение, услышав голос: «Перейди Иордан, и обретешь блаженное успокоение!»

В храме св. Иоанна Крестителя у Иордана она причастилась, затем переправилась на восточный берег святой реки и исчезла из мира. Борясь с искушениями, Мария провела в пустыне *другие* 17 лет, прежде чем встретила первого живого человека – иеромонаха Зосиму, промышляя уединившегося во время Великого поста именно в этом месте. (У монахов Лавры Святого Саввы существовал обычай проводить Святую четырехдесятницу поодиночке и возвращаться к празднику Входа Господня в Иерусалим.) Он упрямил Марию, ставшую теперь подвижницей, поведать ему историю ее жизни. Во время их совместной молитвы святая на локоть отрывалась от земли. Старец исполнился благоговейного трепета, со слезами обнимал ее стопы и просил у нее благословения. А Мария

называла себя грешницей, не имеющей добродетелей, и просила у него благословения.

Они условились встретиться у Иордана, ближе к его монастырю, на следующий год, чтобы Мария смогла причаститься. По промыслу Божию, это случилось в Страстной четверг. Стоявший на западном берегу реки старец увидел, как Мария осенила Иордан крестным знаменем и «пошла по воде немокренно». Приняв из его рук принесенные Святые Тайны, «она воздела руки к небу, стала стенать и плакать и вскричала:

«Ныне отпускаешь рабу Твою, Владыко, по слову Твоему, с миром. Ибо видели очи мои спасение Твое». Тайный смысл этой Симеоновой молитвы был для Зосимы скрыт, потому что святая сама попросила его: «Сейчас ступай в свой монастырь, а на следующий год снова приходи в то место, где я в первый раз тебя увидела. ...И вновь по воле Божией увидишь меня». Старец возвратился, «исполненный ликования и великого страха, коря себя за то, что не спросил имени святой; однако надеялся сделать это в следующем году».

Придя через год в пустыню, он увидел в устье высохшей реки «ту святую женщину, лежащую мертвой; руки ее были сложены по обычаю, а лик обращен к восходу». Оплавав ее и сотворив погребальную молитву, он вдруг увидел начертанную на песке надпись: «Здесь схорони, авва Зосима, останки смиренной Марии и прах предай праху, непре-

станно вознося молитвы Господу за меня, скончавшуюся в ночь Страстей Спасителя, по принятии Святых Тайн». Это означало, что она скончалась еще год тому назад, через несколько часов после их второй (и последней) встречи, 1 апреля 522 года, в Великую пятницу. Могила для ее погребения старцу помог вырыть огромный лев, охранявший тело святой.

Предание о жизни грешницы-святой хранилось в монастыре Зосимы, а позднее было записано как «Житие Марии Египетской, бывшей блудницы, честно подвизавшейся в Иорданской пустыне» (по преданию, автор этого шедевра ранневизантийской агиографии – патриарх Софроний Иерусалимский, ум. 638 г.). Популярность жития засвидетельствована многочисленными переложениями и включением его в состав богослужения четверга пятой седмицы Великого поста («Стояние Марии Египетской», или Андреево стояние). Сюжет жития был использован И. С. Аксаковым в поэме «Мария Египетская».

Жизнь св. Марии Египетской рассматривается как двуединый символ деятельного раскаяния, преображающего все существо человека, и ответного Божия милосердия. Христианство глубоко «оптимистично»: здесь нет места надменной брезгливости по отношению к людям с «непоправимо испорченной репутацией» (как в светском обществе), или к «неприкасаемым» (как в кастовом обществе), и невероятное казалось бы восхождение из невозвратной бездны греха к ореолу святости открыто и каждой современной коллеге Марии до ее обращения. Именно поэтому этой бывшей грешнице и посвящено последнее воскресенье Святой четырехдесятницы (Сорокадневного поста), важнейшего покаянного периода православного литургического года.

Юрий Рубан

<http://azbyka.ru/days/sv-marija-egipetskaja>

Притчи

Притча о воробье, хотевшем стать попугаем

Прошла гроза.

Встала над полем радуга.

И решил воробей:

- Сколько мне уже можно таким невзрачным быть? Выкупаюсь я в ней и стану таким же красивым, как попугай!

Полетел он к радуге, но та уходила все дальше и дальше. А после и вовсе исчезла.

Опустился воробей на землю и так огорчился, что даже не заметил, как угодил в разложенную на траве сеть.

- А-а, это всего - навсего воробей! - разочарованно воскликнул птицелов, увидев добычу, и выпустил воробья.

А стань тот, и правда, похож на попугая, до конца своих дней лишился б свободы!

Друзья и обед

Трое друзей собрались пообедать. Уселись за стол, и один из них сказал: «Уж очень я есть захотел, с утра ничего не ел!» Двое его приятелей дружно воскликнули: «И мы ничего не ели, даже животы заболели!» Тут первый из друзей подумал, и проговорил: «Правду сказать, я утром еще поел творожку!» А двое остальных

ответили: «Честно говоря, и мы съели по пирожку!» Тогда тот, кто съел творожок, покраснел и пробормотал: «Скрывать не буду, я еще съел пюре и котлету». А двое приятелей стыдливо признались: «И мы съели еще по салату и по омлету...»

Сначала себя смири. Чем больше повинишься сам, тем больше повинятся и другие.

Притча о двух пастухах

Однажды два пастуха завели меж собой спор о делах государства.

Один из них с пеной у рта осуждал государя, а другой по мере сил защищал его правление.

Охрипнув от крика и даже подравшись, они так и не смогли друг другу ничего доказать.

И решили пастухи пойти по дороге, пока не найдут человека, который смог бы разрешить их спор.

Так, бранясь, пошли неведомо куда, оставив стадо. Вскоре они встретили шедшего на службу сельского священника. Поведали ему пастухи о своем споре и попросили рассудить, кто из них прав.

Священник им сказал:

- Дети мои! Суть вашего спора в том, что один из вас доит козла, а другой подставляет ему решето. А коровы-то ваши где?

Оторопели от такого ответа пастухи, но тут же вспомнили об оставленном стаде и поспешили заняться своими делами.

Притча о начале мудрости

Пришел один человек к мудрецу и спрашивает:

- Как мне стать мудрым? Мудрец ответил:

- Выйди за дверь и постой с обратной стороны.

Удивился человек, но сделал, как ему было сказано: вышел из дома и встал снаружи.

А на улице как раз шел проливной дождь. Такой сильный, что бедняга вымок насквозь. Через полчаса он не выдержал и вернулся.

- Я постоял снаружи, и что с того? - спрашивает он мудреца. - Разве от этого что-нибудь изменилось?

- Когда ты стоял под проливным дождем, не открылось ли тебе чего? - спросил старец.

- Что мне могло открыться? - возмутился человек. - Я вымок под дождем до нитки и чувствовал себя последним глупцом!

- Ты сделал важное открытие, - сказал мудрец. - Если человек признает, что он глупец, значит, начало положено. Это и есть начало мудрости.

<http://www.smisl-zhizni.ru/pritchi/97-gordosti-i-smireni/93-pritchi-o-zhizni>

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-56)

4. Общение между Востоком и Западом из-за Златоуста было разорвано.

Феофил боролся против восстановления в диптихах имени Иоанна Златоуста, обвиняя его в оригенизме. В этой борьбе он завербовал другого борца против оригенизма - блж. Иеронима. Его манеру выражаться мы уже знаем. В письмах он писал о св. Иоанне как о "нечестивом, разбойнике, святотатце, Иуде и сатане, которого недостаточно наказать может сам ад".

Но правда была на стороне загубленного праведника, и она восторжествовала. Народ не ходил в церкви, где не поминалось имя Златоуста. Уже в 417 г. имя св. Иоанна было восстановлено в диптихах повсюду, кроме Александрии, и общение Константинополя с Римом и другими западными кафедрами возобновилось. К этому времени в Александрии архиепископом был свт. Кирилл - племянник Феофила. Поначалу он противился восстановлению имени Иоанна - ведь он сам присутствовал на "Соборе под дубом". Он писал: "Зачислить низложенного Иоанна в епископы - это все равно что Иуду поместить среди апостолов". Но все же Кирилл был умнее и дальновиднее своего дядюшки, и ради восстановления мира с Римом он в 428 г. внес имя Иоанна в диптихи.

В 438 г. мощи свт. Иоанна были торжественно перенесены в Константинополь и помещены в храме св. Апостолов.

В проповедях своих св. Иоанн для нас является высоким образцом христианской экзегетики и великим учителем христианской жизни. Он неизменно человечен, глубоко понимает наши немощи и искренне сострадает им. Ни один отец Церкви не говорил так много на социальные темы, как св. Иоанн.

Главным в нем было строго христианское отношение к миру. О чем бы он ни говорил, он всегда интересовался нравственной стороной ситуации и всегда соотносил ее с Писанием, непревзойденным толкователем которого он является. Его экзегезис - вершина антиохийской традиции - ясный, простой, почти совершенно чуждый аллегоризации, но изобилующий типологическими толкованиями.

При этом, хотя он и был учеником Диодора Тарсийского и другом Феодора Мопсуэстийского, он практически ни разу не употребил двусмысленных выражений и всегда оставался строго православным.

Х. Блаженный Августин

1. Блж. Августин был величайшим богословом своего времени. На Западе, в латинском мире, к которому он принадлежал, ему не было равных не только при его жизни, но и много поколений после него. Его учение доминировало над всей латинской богословской мыслью вплоть до возникновения средневековой схоластики. Он пережил глубокую трагедию одинокого ума, ибо ему не с кем было обсуждать свои идеи и не было

человека, который мог бы возразить ему на его уровне. Отсюда проистекает ни с чем не сравнимое влияние на западное богословие как его гениальных находок и прозорней, так и его ошибок и заблуждений. Можно сказать, что большинство богословских расхождений между Востоком и Западом восходит к блж. Августину, мнения которого наложили отпечаток и на католическое, и даже на протестантское богословие вплоть до нашей эпохи. Православная Церковь гораздо более осторожно относится к его учению и видит корень многих заблуждений современного римо-католичества и протестантизма в трудах блж. Августина. Тем не менее Православие никогда не отрицало его личной святости и высокого богословского авторитета.

Августин Аврелий (354-430) родился в Тагасте, недалеко от Карфагена, в семье муниципального служащего среднего достатка. Отец его, Патрикий, был язычником, принявшим крещение лишь непосредственно перед смертью (370). Мать Августина, св. Моника - вероятно, берберского происхождения, - была благочестивой христианкой и возлагала большие надежды на своего талантливую сына. В 370 г. Августин начал обучение риторике в Карфагене. Его образование финансировалось богатым благодетелем. Учился он по-латыни, греческий до конца жизни знал очень плохо. Зато он блестяще знал латинскую литературу и, как и блж. Иероним, всегда мог укра-

Приблизительно тогда же Августин, движимый поиском истины, на что его вдохновил философский диалог Цицерона "Гортензий", вновь стал обращаться к религии. Прежние развлечения, попойки, распутство, скандалы и грубые спектакли в цирке заменились изящными умственными занятиями, поэтическими состязаниями в литературных салонах, трагедией и драмой в серьезном театре. Научная работа в области философии, астрономии, космологии сочеталась с увлечением искусством. Он попытался читать христианское Писание, однако оно показалось ему детским и грубым, а стиль его - куда более низким, чем латинская классика. Ветхий Завет виделся ему достойным презрения как собрание бабьих сказок, а Церковь - как мужицкое сообщество. Августин искал мудрости, а не авторитета, а эти книги "приказывали, а не убеждали". Достойной формой религии его философствующему уму рисовался лишь гнозис - рационально построенное учение. Все это не могло не привести философа-цицеронианца к манихеям, которые отвергали Ветхий Завет и ссылались на разум там, где Церковь призывала в свидетели откровение и авторитет. Это учение, принявшее форму мировой религии, увлекало человека научного склада обещанием победить тайну мира силами одного разума, предлагало величественную систему, которая притязала разрешить все роковые недо-

умения о Боге и судьбах человечества, о зле и спасении. 19 лет от роду Августин становится манихейским "внемлющим". Он с горячностью неопита отдался проповеди манихеев, углубился в чтение их книг, попутно предавался даже астрологии и магии, практиковавшимся их учителями. Августин оставался активным членом секты в течение 10 лет и даже обратился в нее нескольких своих друзей. Манихейство оказало такое влияние на формирование его религиозных взглядов, что он не смог полностью изжить его до самого конца своей жизни.

В 383 г. Августин переехал в Рим, где продолжил преподавание. В 384 г. он вновь переехал, на сей раз в Милан, с надеждой, что его влиятельные друзья помогут ему занять высокий пост на государственной службе. К тому времени Августин начал разочаровываться в манихействе и находился на духовном пепелю. Еще до отбытия из Карфагена он убедился из бесед с прославленным "профессором" манихеев Фаустом в несостоятельности религии, предлагавшей вместо мудрости невежество, смешивавшей с претензиями на высокую метафизику пацкость к наивной теургии, неспособной отрешиться от материалистического понимания мира и Бога, примирить и оправдать безнадежный дуализм между добром и злом, дать воле закалку от соблазнов разврата. В Италии его разочарование манихейством еще

"И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: "Возьми, читай! Возьми, читай!" Я изменился в лице и стал напряженно думать, не напевают ли дети в какой-то игре нечто подобное? Нигде не доводилось мне этого слышать. Подавив рыдания, я встал, истолковывая эти слова как божественное веление мне: открыть книгу и прочесть первую главу, которая мне попадется. Я слышал об Антонии, что его вразумили евангельские стихи, на которые он случайно наткнулся: "Пойди, продай все имущество свое, раздай бедным и получишь сокровище на Небесах и приходи, следуй за Мной"; эти слова сразу же обратили его к Тебе. Взволнованный, вернулся я на то место, где сидел Алипий; я оставил там, уходя, апостольские Послания. Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первой попавшуюся мне на глаза: "Не в пирах и в пьян-

стве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти" (Рим.13:13-14). Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мне залило свет и покой; исчез мрак моих сомнений".

Несколько месяцев после этого Августин провел в философическом уединении со своими близкими друзьями, матерью и сыном Адеодатом на вилле Кассициак в нескольких километрах от Милана. Их продолжительные философско-религиозные дискуссии легли в основу написанных им четырех платоновских по духу диалогов, претендующих быть христианским ответом на основные философские вопросы того времени. Усилия Августина были направлены на согласование христианства с античной мыслью; он убеждает себя, что возможно солидарное взаимодействие между наукой

более углубилось - но достойной альтернативы он не видел. Именно тогда Августин впервые услышал проповеди св. Амвросия и был ими потрясен. Впервые он встретил христианского интеллектуала, завоевавшего его уважение. Св. Амвросий вначале покорил его своим красноречием, но затем ум Августина был увлечен самой аргументацией миланского епископа. В ней подлинное христианское благочестие сочеталось с неоплатоническим мистическим языком, а убедительные аллегорические толкования сложных мест Ветхого Завета напрочь разбивали язвительные замечания манихеев. То, что раньше казалось Августину низвергнутым манихейской критикой, теперь открылось как система пророческих и преобразовательных символов пришествия Спасителя, и Ветхий Завет объединился с Новым.

Августин обладал в высшей степени философским складом ума и всегда во всем стремился докопаться до самой сути. Несмотря на разрыв с манихейством, он искал (как и далее всю свою жизнь) разрешение проблемы существования в этом мире добра и зла. Дуалистический манихейский подход уже не мог его удовлетворить, ибо вел к многобожию и неприемлемым этическим выводам. Следующим шагом, сделанным Августином, было признание монизма добра: он пришел к платонизму, затем к неоплатонизму. Августин тщательней-

(платонизмом, который для него не противоречит аристотелизму, - стало быть, и всей высокой античностью) и религией (христианством). Мы чувствуем тут гармонически свободный выход из эпохи борений: античная философия привела Августина к пониманию истинной веры - знаменательный символ единения двух великих культур. Разрыв между ними в сознании Августина будет явлен лишь позже.

Значительный платоновский элемент в обращении Августина подвинул его решиться на целибатную жизнь, хотя в то время он не думал ни о монашестве, ни тем более о священстве. В Великую Субботу 387 г. св. Амвросий крестил Августина и его сына Адеодата. Осенью того же года Моника скончалась в Остии, а еще через 12 месяцев Августин вернулся в Африку, которую ему уже никогда не суждено было покинуть. Вскоре скончался его сын Адеодат, что было тяжелой

свой язык подходящей цитатой из Цицерона или Вергилия. Его литературный вкус был безошибочен, а эlegantность прозы - безупречна. Августин, по всей видимости, готовился к гражданской карьере, но ранняя смерть отца заставила его прервать образование и содержать семью.

Он начал преподавать грамматику в Тагасте и вскоре снискал громадный успех, а в 374 г. переехал в Карфаген, где стал модным частным профессором риторики. Несмотря на веру своей матери, сам Августин христианином не был. Сразу же после его рождения Моника записала его в оглашенные. Однако в юности детская вера Августина оказалась подавленной его чувственными приложениями, которые он впоследствии очень сурово осудил в своей "Исповеди". В возрасте 17 лет он завел наложницу из низших социальных слоев, что было обычным делом для молодого человека, ведущего рассеянный образ жизни. Однако Августин, в отличие от своих ветреных приятелей, был верен своей подруге много лет - до тех пор, пока Моника, надеявшаяся на гораздо более выгодный брак для своего сына, не вынудила его прервать эту связь. В 372 г. наложница родила ему сына Адеодата (по-гречески Феодор - богоданный), которого Августин нежно любил. Других детей у него не было.

Путь Августина к христианству осложнялся тем, что он не мог решиться расстаться с "вольной жизнью". Он не сомневался в том, что крещение должно повлечь за собой полную перемену образа существования, и продолжал откладывать его, мучаясь невозможностью принять окончательное решение, повторяя в своих молитвах Богу: "Дай мне целомудрие и послушание, но не сейчас". Внутренний кризис Августина достиг вершины летом 386 г. во время описанной им в "Исповеди" сцены в миланском саду, когда однажды он предавался печали по поводу своей греховности:

утратой для Августина, возлагавшего большие надежды на его дарования. Он основал небольшую монашескую общину близ Тагаста, по-прежнему намереваясь заниматься философскими изысканиями. Однако в 391 г., когда он проездом был в Гиппоне (Иппоне) - втором по величине городе римской провинции Африка, народ буквально заставил Августина, несмотря на его слезы, стать пресвитером. В 395 г. престарелый грек Валерий, епископ Гиппонский, поставил его своим со-епископом, опасаясь, как бы Августин не переманил к себе какой-нибудь другой город. Похоже, Валерий не знал 8 канона Никейского Собора, гласившего, что в одном городе может быть лишь один епископ.

(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Хиротония внесла в жизнь Августина перемену не менее глубокую, чем его обращение в христианство. До этого его писания главным образом касались либо вопросов христианской философии, либо полемики с манихеями, поднимавшими такие интеллектуальные проблемы, как наличие в жизни добра и зла и отношение авторитета к разуму. Возведение Августина в епископский сан стало водоразделом его жизни. Он серьезно занялся библейской экзегезой, особое внимание уделяя посланиям св. Павла.

В 386-387 гг., когда Августин готовился к крещению, свт. Амвросий посоветовал ему читать книгу пророка Исайи. Однако Августин нашел писания пророка слишком сложными и вскоре забросил чтение. Став епископом, он полностью переменял интересы. Его главным занятием стала библейская экзегеза, и его проникновение в богословие заметно углубилось. Это оказало прямое влияние на оценку Августином человеческой природы в общем и на самооценку в частности. В 397 г. он опубликовал свою "Исповедь" - настоящий шедевр интроспективной автобиографии, выраженной в чрезвычайно сложной форме длинной молитвы, во многих местах смоделированной по образцу псалмов. При этом его автобиография помещена на широком фоне, чтобы стать одним из многих частных примеров того, как мятется душа человеческая, прежде чем она упокоится в доме своего Творца. История собственной жизни подана Августином чрезвычайно элегантно, но не более чем в качестве иллюстрации богословских постулатов, ибо "Исповедь" - это прежде

всего богословская книга.

2. Первой неотложной проблемой, с которой блж. Августин столкнулся сразу же после своего посвящения, был донатистский раскол. Гиппон - город, где находилась его кафедра, - как и вся Африканская Церковь, был разделен между двумя враждующими общинами - донатистской и кафолической. Ни одна из сторон не забывала ни капли зла, причиненной ей другой стороной за долгие десятилетия: всё помнилось, как будто это было вчера. Но и кафолики, и донатисты исповедовали ту же самую веру и читали ту же самую латинскую Библию. Донатистские церкви можно было отличить от кафолических только по их привычке белить стены: они выступали против уже развивающегося обычая расписывать храмы. Донатисты придавали также особое значение почитанию своих мучеников: они обвиняли кафоликов, что те не воздают им подобающих почестей.

Похоже, что у донатистов было не меньше представителей образованных классов общества, чем у кафоликов, так что невозможно свести раскол лишь к экономическим и социальным причинам. Интеллигенты каждой из сторон ощущали неловкость от чересчур воинственных действий некоторых своих сторонников: донатисты - когда на их стороне выступали бродячие берберские банды, крушившие и сжигавшие кафолические храмы; кафолики - когда в 347 г. император Констанс послал в Африку генерала Маркария с заданием утопить в крови донатистский раскол. Донатисты немедленно ввели особый поминальный день "Макарьевских мучеников", чтобы, не дай

Бог, не забыть происшедшего.

Каждая из общин утверждала, что лишь она является единственным мистическим Телом Христа и единственным ковчегом спасения, единственной Матерью, не имея которой нельзя иметь Бога Отцом. Донатисты были своего рода фундаменталистами-киприановцами: они полностью отвергали действительность всех таинств, кроме своих собственных: кафолики, переходившие в донатизм, подвергались повторному крещению (в глазах донатистов - единственному). Донатисты считали, что кафолики лишались благодати, приняв епископство Цецилиана, который был хиротонисан человеком, во время великого гонения сдавшим священные книги полиции. Кафолики почитали Цецилиана как великого святого своей Церкви, что в глазах донатистов было вопиющим надругательством и отвержением слов св. Павла, что Церковь должна быть непорочна и безгрешна.

Ответ кафоликов донатистам состоялся только в отвержении обвинений, выдвинутых теми против хиротонисавших Цецилиана епископов. Они также в принципе отвергали мнение сектантов, что Церковь является эксклюзивной общиной избранных безгрешных, и утверждали, что она, скорее, похожа на Ноев ковчег с чистыми и нечистыми животными или на поле, на котором пшеница и плевелы останутся до самого Страшного Суда. Во-вторых, они отмечали, что поскольку донатисты находятся вне общения с Иерусалимом, Римом и другими апостольскими церквями, они не могут называть себя кафолической, т.е. все-

ленской Церковью. И в-третьих, обе стороны по-разному понимали таинства. Согласно донатистскому видению, действительность таинства зависела от достоинства его совершителя. Если совершитель был недостойн, то он автоматически отпадал от Церкви, вне которой, напоминали они, согласно св. Киприану, не может быть никаких таинств. Но первых, сам сщмч. Киприан никогда не утверждал зависимости таинства от достоинства его совершителя, а во-вторых, еще на соборе в Арле (314 г.) африканские христиане приняли точку зрения папы Стефана в его споре против св. Киприана, что таинства принадлежат не служению, но Самому Христу - поэтому их действительность зависит от исполнения наказа Христа крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Августин придерживался римской традиции и, следовательно, признавал действительность донатистского крещения, но он попытался совместить ее со взглядами св. Киприана, утверждая, что крещение в раскольничьей общине давало человеку благодать лишь в потенции, которая раскрывалась только после присоединения человека к Истинной Церкви. Действия священника, совершающего таинства, утверждал он, принадлежат Богу, наложившему на священника в момент рукоположения определенную печать. Следовательно, рукоположение не связано напрямую с нравственным и духовным состоянием кандидата в священство и действительность таинств не зависит от умонастроения их совершителя.

Когда блж. Августин стал епископом Гиппонским, африканскому расколу было уже 85 лет и две противостоящие друг другу общины научились жить бок о бок, без особой взаимной любви, но вместе с тем стараясь избегать применения насилия друг против друга. Августин отказался пассивно принять подобную ситуацию. Он организовал целый ряд соборов под председательством митрополита Карфагенского, чтобы кафолические епископы выработали общую позицию по вопросам церковной дисциплины и могли бы выступить против донатистов единым фронтом. В то время в правительственных кругах вновь возобладало мнение, что к диссидентам следует применять силовые методы. Именно в последнюю десятилетие IV в. был издан ряд имперских указов против язычников и еретиков. Политический мир поздней Империи не был либеральной демократией, когда люди выбирают себе занятие по вкусу. Это было государство, где личная свобода мало что значила, где множество законов и эдиктов были направлены на то, чтобы предотвратить любую социальную мобильность, закрепляя за сыновьями профессии и статус их отцов, где действовала тайная полиция и где широко применялись пытки и публичные казни. Если все это было нормой в политической сфере, то большинство людей не видело ничего плохого, если на тех, кто своим религиозным диссидентством ставил под угрозу единство общества, налагались некоторые финансовые и гражданские ограничения.

Вначале блж. Августин резко выступал против применения силы к донатистам, но не потому, что считал это незаконным, а потому, что как ему казалось, под давлением правительства начнется целая масса неискренних обращений, с последствиями которых Церкви будет весьма сложно справиться. Но постепенно он пришел к противоположному мнению. Начиная с 405 г. правительственное

давление на донатистов стало приносить реальные результаты, и Августину стало все сложнее противостоять аргументам своих коллег-епископов, поддерживавших правительственные методы. Он принял их аргументацию, разработав целую философско-богословскую систему ее поддержки. Эта теоретическая база поддержки имперской политики стала роковой. Протесты против осуждения Присциллиана (см. выше) были забыты. В оправдание Августина можно лишь сказать, что он поддержал наложение на еретиков ряда гражданских ограничений, но никогда не призывал к физическому воздействию на них.

Во всяком случае, попытки найти оправдание тому, что уже свершилось, были весьма характерны для мысли Августина. Однако споры между двумя сторонами редко проходили на столь глубоком уровне. Чаще всего они сводились к бесконечным повторениям двух конфликтующих версий происхождения раскола. В мае-июне 411 г. в Карфагене прошла громадная конференция под председательством имперского комиссара, на которой донатистам был предоставлен последний шанс публично защищать свои позиции. Стенограммы конференции сохранились. Увы, споры не отличались особой глубиной: истомленные жарким африканским солнцем люди в уличной пыли до хрипоты доказывали друг другу, что на самом деле случилось или могло бы случиться во время их прарадедов. Все это еще усугублялось тем, что донатисты все время стояли, отказываясь садиться с "нечестивыми". Но, во всяком случае, правительство убедилось, что продолжать диалог не имело никакого смысла.

В январе 412 г. император Гонорий официально запретил донатизм. Члены секты должны были платить штрафы, размер которых определялся их социальным и имущественным статусом, ду-

ховенство было сослано, а церковная собственность конфискована. Берберы-донатисты устроили ряд последних кровавых набегов на кафолические Церкви, а Августин признал, что проблема неискренних обращений оказалась не такой серьезной, какой он ее представлял ранее.

А всего несколько лет спустя раскол, столь долго разделявший Африканскую Церковь, утратил свою актуальность ввиду начала варварских вторжений. В 407 г. германское племя исповедающих арианство вандалов прорвалось в Галлию, в 409 г. они наводнили Испанию, а в 429 г. форсировали Гибралтарский пролив и вошли в Африку. Вандалы жгли и крушили все на своем пути, не отличая кафоликов от донатистов. Последние письма блж. Августина касались проблемы, могут ли клирики покидать родные места вместе с беженцами. В Галлии и Испании многие епископы стали организаторами сопротивления захватчикам, в то время как другие епископы бежали вместе со своими прихожанами от варварских огня и меча. Как должны были поступать африканские клирики? С одной стороны, блж. Августин не хотел отдавать на заклятие варварам своих клириков, но с другой - он знал, что кто-то должен остаться, чтобы хотя бы причастить людей перед тем, как варвары перережут им горло. Он предложил части клириков остаться, но, чтобы избежать осложнений, жребием решить вопрос, кому уезжать, а кому оставаться. Сам блж. Августин остался в осажденном вандалами Гиппоне, где и скончался 28 августа 430 г. - еще до того, как варвары прорвали оборону.

Донатизм, хотя и сильно ослабленный правительственными гонениями и вандальскими погромами, все же выжил и дожил до VI в., когда Африка была отвоевана Юстинианом. В Нумидии он продолжал быть достаточно сильным, чтобы

в 590 г. вызвать беспокойство папы Григория Великого, высказавшего недовольство, что местные власти недостаточно активно проводят в жизнь антидонатистские законы. Но еще век спустя и кафолики и донатисты оказались под властью ислама. Мы знаем о существовании кафоликов в Северной Африке вплоть до XII в., но донатисты навсегда исчезли из истории сразу же после мусульманского вторжения.

3. Фактическое завершение донатистских споров в 411 г. направило энергию блж. Августина в другую сторону. Он мечтал завершить свою богословскую работу о Св. Троице, которой занимался отрывками с 399 г. Но ее вновь пришлось отложить из-за других неотложных дел. В 410 г. западный мир, все еще потрясенный варварскими погромами в Галлии и Испании, пережил несравненно более тяжелый шок, когда сам Рим был захвачен и разграблен готами во главе с Аларихом. Толпы беженцев переселялись в Африку и на греческий Восток. Как никогда остро стал вопрос о Божественном провидении в истории. Почему свв. Петр и Павел не смогли уберечь свой город? Язычники, конечно, утверждали, что это невообразимое и ни с чем не сравнимое несчастье было навлечено на Рим старыми богами, обиженными изменой им населения города.

По совету Августина испанский священник Оросий, переехавший в Африку после вандальских вторжений, ответил язычникам, написав краткую всемирную историю, показывавшую, что дохристианская история была собранием несчастий и катастроф куда худших, чем любые варварские нападения, которые, в свою очередь, были справедливой Божией карой за то, что язычники отказывались обратиться ко Христу.

(Продолжение в №58)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.
Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если
стала ветхой, сожгите.**